

Роман ВИКТЮК:

Любовь — это всегда магия

ОТКРОВЕННО

Культовый режиссер современной сцены, Виктюк начал практиковать театральные эксперименты еще в школе, распределяя роли среди одноклассников и друзей. Сегодня на счету «театрального радикала» более 120 спектаклей и десятки наград. 29 октября 2006 года Роман Григорьевич ВИКТЮК отмечает 70-летие. К празднованию своего юбилея он готовит премьеру — комедию «Масенькие супружеские преступления» по пьесе «Скиз» польской писательницы Габриэли ЗАПОЛЬСКОЙ.

ПОЧИТАЕМ! Альберт Рус Вильямс. «Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917 - 1918». Издательство «Центрополиграф». Американский журналист Альберт Рус Вильямс с энтузиазмом воспринял идеи и дух русской революции. Он был лично знаком с Лениным, Бухариным, Троцким, стал очевидцем и активным участником многих сражений в дни Октябрьской революции. В книге он рассказывает о своих впечатлениях от путешествий по объятый пламенем Гражданской войны России. До конца жизни он оставался другом Советского Союза.

- Роман Григорьевич, а почему «Масенькие супружеские преступления», откуда взялось такое любопытное название?

- У Пушкина есть «Маленькие трагедии». А я решил «л» зачеркнуть и наверху написать «с». И в этой замене есть некий шифр. Какой? Объяснить на словах это невозможно, чтобы понять, надо прийти в театр и посмотреть спектакль. Ну а слово «преступления» здесь, конечно, в кавычках. Потому что Запольская на все смотрела с улыбкой, и я во многом с ней солидарен.

- И какова же тема этой пьесы?

- Тема пьесы - брак, вернее, его маленькие тайны и большие секреты. Если сказать очень коротко, то две супружеские пары проводят несколько дней в украинском поместье. Мушка и Витольд - молодожены, а Лулу и Анатолий близки к серебряной свадьбе. Умудренная жизнью Лулу уверена, что брак сродни карточной партии, в которой главное - иметь на руках

побольше козырей. Она провоцирует остальных на безобидный флирт. Также не будем забывать, что пьеса Габриэль Запольской необыкновенно изящна и увлекательна. Мастерски выстроенная композиция и выразительные персонажи заставляют следить за сюжетом с неослабевающим вниманием, а диалоги героев, наполненные поистине польским шармом, подчас просто афористичны.

- В таком пересказе сюжет кажется достаточно банальным. Даже и непонятно: чем же он вас так зацепил?

- Да как же так можно говорить, не прочитав пьесу? Меня она поразила. Три восклицательных знака. Когда-то я ставил с Мариной Нееловой «Месяц в деревне» Тургенева. Мне казалось, что это уникальная пьеса о любовных взаимоотношениях людей разных возрастов, и я был уверен, что лучше и тоньше, чем уважаемый Тургенев, никто в это не проникнуть и выразить не сумел. Но когда два года назад я прочитал Запольскую, то ахнул, ведь оказалось, что весь опыт философии XX века, со всеми этическими и эстетическими открытиями - фрейдизм, экзистенциализм, садомазохизм и так далее - она предчувствовала и сумела выразить в начале прошлого столетия. Выразить, конечно, еще довольно робко, потому что в тот момент все это не стало нормой в литературе, философии, драматургии. Но она какой-то невероятной интуицией, прозрением новые веяния предвидела и

высказала с легкостью, без дидактики и назидания. В ее писаниях нет поучения, морали, а есть такой легкий ветерок, бриз. Габриэль была тончайшим лириком и тончайшей ведьмой. Она очень тонко понимала, в чем невозможность сойтись двоим. Почти нереально, в ней была такая тоска и боль...

- Да, когда-то давным-давно так все и было, а сейчас не кажется ли вам, что любовь и семья строятся на расчете? Недаром все более и более в моду входит брачный контракт.

- Правильно, вот это и есть цинизм нашего времени. То, о чем ты говоришь, - это трагедия плоти и приближение к смерти. А Габриэль кричит о том, что надо тратить сердце, она говорит о том, что дает продолжение жизни, помогает ей расти. В наше время цинизма, фантома денег, злобы и ненависти чистая скрипичная нота, мне кажется, необходима как напоминание о том, для чего человек на земле существует.

- Сами собой мне припомнились строки Кушнера: «Времена не выбирают, в них живут и умирают. Больше глупости на свете нет, чем плакать и пенять». Так не опасаетесь ли, что такой несегоднешний взгляд на жизнь современной публикой принят не будет?

- Я бы, может, и опасался, но включи телевизор, и там показываются сериалы по 250 серий. И все они именно об этом: любви, чувствах, верности и изменах. Люди хотят все это смотреть. Причем сериалы популярны не только у нас. Вся Европа, Америка на них «сидят». Да что там сериалы, ты считаешь, что и «Травиата» устарела?

- Это вечная классика.

- Что значит вечная классика? Она девушка легкого поведения, он из богатой семьи, отец против и поэтому все разрушает - вполне сегодняшняя коллизия. Понимаешь, сегодняшняя. Я бы мог рассказать сейчас об очень знаменитых и известных людях, с которыми поступили так же, как с героями «Травиаты».

- А как вам современная российская публика?

- Конечно, нравится. Я думаю, это лучшая публика в мире.

- А по сравнению с советским временем она не испортилась?

- Это не имеет никакого значения, я хорошо знаю, как менялась отечественная публика со временем. Наш театр объехал более трех десятков стран, и я знаю, что самая уникальная публика в

Москве, Ленинграде, Киеве. Все зависит от того, есть ли среди тех, кто приходит в театр, люди с тонко чувствующим сердцем, которых я называю эмоциональное меньшинство. Их меньше, чем всех прочих, но именно они, я верю в это, и определяют движение вперед всего человечества. Как евреи говорят, что в каждом поколении есть тридцать три мудреца, так вот это эмоциональное меньшинство имеется в любом времени, и они между собой общаются не вербально, на непонятном для меня уровне. Несмотря на то, что у нас в России эта тонко чувствующая прослойка сохранилась лучше всего.

- Но с другой стороны, театр сейчас занимает совсем иное место в общественной жизни, ведь прежний театр был «гласностью в темноте». Гасили свет, и люди слушали то, что хотели слушать. И это было, конечно, объединяющим моментом. А сейчас, когда можно говорить

мои зрители должны понять и почувствовать, что любовь - это сумасшествие или даже своего рода болезнь. Как сказал великий немецкий романтик, писатель-фантаст Гельдерлин: любовь невозможно постичь только в безумии. Только в безумии, потому что любовь не имеет нижнего психологического пласта. Она гораздо выше. И в ней присутствуют магия и колдовство.

- А вы на безумство ради любви способны?

- Конечно, а как же можно без этого? А как же иначе работать в театре. Но, конечно, это безумство в метафизическом смысле. Не во врачебном, потому что тогда надо изолировать, а в иррациональном смысле.

- Рассказывают, что вы видите вещие сны, это правда?

- Самый главный сон приснился мне в 13 с чем-то лет. Будто бы я приезжаю в город, вижу три колонны, маски... И приоткрытую дверь справа. Меня назначают глав-

ко Дню Советской Армии. Я выбрал фрагмент из «Фронта» Корнейчука, где все офицеры ползают в окопах в пыли и грязи. После спектакля меня оставили в покое...

- Ваш путь к успеху начался в Москве, а как вас встретила столица?

- Все зависит от того человека, который тебя первым встречает в Москве. Мне в этом плане очень повезло. У меня так получилось, что документы и вещи приехали на один вокзал, а я - на другой. И когда вышел на перрон, у меня не было ни паспорта, ни чемодана, а только деньги, зашитые в штанах со стороны подкладки. По справочной 09 я узнал телефон ГИТИСа. Там трубку снял проректор по хозяйственной части, которому я рассказал, что звоню с Киевского, что приехал поступать и с собой никаких вещей, и спать мне негде. И он не послал меня к чертовой бабushке, как сделал бы скорее всего кто-то другой, а помог устроиться в общежитие. Так

прошел мой первый вечер, а за ними и годы обучения в ГИТИСе. И этот проректор, его фамилия Тихонов, далеко не молодой человек, с седыми волосами, он меня четыре года обожал: настолько потрясен он был ребенком со светлыми глазами, который приехал из бандеровской Украины в шотландской рубашке и брючках с желанием стать артистом.

- Да, но на вас долгое время было клеймо анти-советчика, поэтому вы жили очень бедно и долгое время у вас не было своей квартиры.

- Я действительно скитался по коммуналкам. Но в конце 90-х мне досталось наследие... Сталина. Я живу в квартире сына Сталина - и это мый большой абсурд в жизни, который можно представить. До сих пор не могу избавиться от страха, что из квартиры меня вот-вот высеят, хоть она и приватизирована. Я и планировку переделал, но ощущение, что я здесь временно, живет во мне категорически. У меня один балкон выходит во двор Думы, а второй смотрит на Кремль... Поэтому они через мой двор часто проезжают. Собака Анатолий Александрович, когда был депутатом, проезжая с супругой мимо моего дома, всегда сигнализировал. Я выходил на балкон, и мы общались. Он - из машины, я - с третьего этажа. Так что все нормально!

Александр СЛАВУЦКИЙ.
Фото ИТАР-ТАСС/
ИД РОДИОНОВА.